

Т. А. Кочнева

«ГДЕ ВАШЕ ЛИЦО?»:
РАССКАЗ ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА «ПРАВО
НА ЖИЗНЬ ИЛИ ПРОБЛЕМА БЕСПАРТИЙНОСТИ» (1927)
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА
«РЕКОНСТРУКТИВНОГО ПЕРИОДА»

Резюме

Рассказ Пантелеймона Романова «Право на жизнь или проблема беспартийности» (1927) — произведение, во многом предугадавшее развитие современной ему политической повести и за счет этого поменявшее свой «социальный смысл» буквально за несколько лет. В статье предпринимается попытка анализа рассказа с точки зрения того, какое отражение в нем находили вопросы, актуальные для художественной интеллигенции молодого советского государства, и какое разрешение получили эти вопросы в «реконструктивный период». Опираясь на источники, показывающие разницу в трактовках рассказа в 1927–1929 гг., мы можем заметить изменения, произошедшие в этот непродолжительный период. Комичное в 1927 г. поведение героя рассказа, скрывшего свое социальное происхождение и боящегося разоблачения, спустя три года становится вполне понятным и обыденным, а его «право на жизнь», авторской интенцией напрямую связанное с «проблемой беспартийности», далеко не таким бесспорным.

Ключевые слова: советская литература, попутчики, реконструктивный период, Пантелеймон Романов, политическая повесть

Tatiana A. Kochneva

“WHERE IS YOUR FACE?” PANTELEIMON ROMANOV’S
SHORT STORY “THE RIGHT TO LIFE
OR THE PROBLEM OF NON-PARTISANSHIP” (1927)
AND THE POLITICAL AGENDA OF THE
“RECONSTRUCTION PERIOD”

Abstract

Panteleimon Romanov’s short story “The Right to Life or the Problem of Non-Partisanship” (1927) is one of the works that in many ways foresaw the political trend of the time. For this reason, the “social meaning” of the story changed in just a few years. This article analyzes how the story reflected issues that were relevant to the artistic intelligentsia in the early Soviet state and how these issues were resolved in what was then called the “Reconstruction Period.” Sources from the period between 1927 and 1929 show a change in the interpretation of the story, which allows us to detect the political changes that occurred in that time. The behavior of the story’s main character, who is hiding his social background and fears exposure, looks comical in 1927. Three years later, however, this behavior was quite understandable and commonplace, while the character’s “right to life,” which the author directly ties to the “problem of nonpartisanship,” appears far from being so indisputable.

Keywords: Soviet literature, fellow traveler writers, poputchiki, Reconstruction Period, Panteleimon Romanov, political agenda

DOI 10.31860/2712-7591-2024-3-144-153

Во второй половине 1920-х гг. имя Пантелеймона Романова было хорошо знакомо советскому читателю: с 1925 по 1930 г. вышло несколько десятков книжек его рассказов, три романа, собрание сочинений в двенадцати томах, и вплоть до обвинения критиков в клевете на советскую действительность [Ингулов] он оставался вполне признаваемым «попутчиком». После смерти писателя в 1938 г. его произведения практически не печатались, интерес к ним стал возрождаться совсем недавно. Сегодня о Пантелеймоне Романове как о бытописателе раннесоветской действительности существует сравнительно небольшое количество исследовательских работ, фокусирующихся в основном на критическом пафосе его рассказов¹. Романов предстает в них как обличитель пороков своего времени, умело маскировавший осуждение современных реалий под «защитной идеологической окраской» юмористических рассказов, и таким образом полностью вписывается в традиционный для русской литературы жанр сатиры.

¹ См., напр.: [Асмолова, Терехова; Голубков; Обухова].

Между тем, как представляется, «медленное чтение» его рассказов в сочетании с анализом публицистического дискурса второй половины 1920-х гг. способно открыть и другую сторону его творчества: Романов в своих произведениях чутко откликается на актуальную политическую повестку, а иногда даже предвосхищает ее. Эту особенность я попытаюсь продемонстрировать на примере рассказа «Право на жизнь или проблема беспартийности», который вышел отдельной книжкой в издательстве «Молодая гвардия» в 1927 г. С одной стороны, этот рассказ тесно связан с современными ему политико-художественными проблемами: пролетарские писатели versus «попутчики», социальный заказ на идейно выдержанные произведения versus свобода литературного высказывания и т. д. С другой — он словно предугадывает те «точки напряжения», которые проявятся в самое ближайшее время — в период, получивший в партийной риторике название «реконструктивного» (или периода реконструкции — как одного из этапов построения социализма наряду с революцией, Гражданской войной, а также непосредственно предшествовавшим ему восстановительным периодом). Среди характерных примет этого времени — разгром «левой» и «правой» оппозиции на XV и XVI съездах ВКП(б) и, соответственно, требования проводить «чистку» в рядах писателей на основании оценки их «творческого лица», исповедальный характер ритуальных речевых практик и т. д. Рассматривая рассказ в контексте актуального для него политического дискурса, мы можем получить представление о тех проблемах, которые волновали художественную интеллигенцию во второй половине 1920-х гг., а также предложить новые вопросы в изучении творчества неизвестного сегодня, но популярного в свое время прозаика, который, как и главный герой рассказа «Право на жизнь», сам был беспартийным писателем «чуждого социального происхождения».

Сюжет рассказа прост: писатель Леонид Останкин, работающий в одном из советских издательств, при поступлении на работу немного скорректировал свою анкету. Вместо того чтобы честно признаться в том, что его отец был инспектором народных училищ, Останкин написал, что он «сын народного учителя из крестьян»: «Велика разница, подумаешь: „народных училищ“ или „народный учитель“...» [Романов, с. 60] — пытается успокоить себя герой, когда его одолевают мысли о возможном разоблачении. Свое высшее образование он заменил на среднее. «Почему? Да просто потому, что каждому хочется жить. Просто ж и т ь (здесь и далее разрядка автора. — Т. К.). Дело обыкновенное» [Романов, с. 34] — так объясняет поступок Леонида Останкина автор-повествователь.

Однако эта «маска» — предъявление себя тем, кем на самом деле ты не являешься, рассматриваемое некоторыми исследователями в качестве ядра советской идентичности², — лишает Останкина спокойного существования, делает пугливым, настороженным и заставляет постоянно ждать возможного разоблачения. Как Йозеф К., герой романа Франца Кафки «Процесс», Леонид Останкин пристально наблюдает за каждым своим поступком, ведя диалог с воображаемыми обличителями и отыскивая за собой вину перед Советской республикой:

...в сердце Леонида Останкина (<...> стала закрадываться тревога, как будто он был действительно в чем-то виноват. (<...>

Он напрягал все свое соображение и не находил за собой никакой вины. (<...>

— Я ничего предосудительного не делал. Во всяком случае, нет ни одного факта, который бы указывал на мою преступность.

— Мало что нет факта, — ответил ему опять внутренний голос, — есть, брат, вещички потоньше ф а к т о в [Романов, с. 24].

В конце концов, не выдержав постоянной необходимости притворяться, герой принимает опиум и умирает на коленях своей возлюбленной, за выселение которой как «чуждого элемента» он голосовал на общем собрании дома всего несколько дней назад — из страха, что обнаружится его собственная «социальная физиономия» и ему, в свою очередь, зададут вопрос: «Вы за кого и против кого? И кто вы такой?» [Романов, с. 76].

Какие следы актуальной политической повестки можно найти в этом рассказе? Самый очевидный — это, конечно, проблема «писателей-попутчиков», искусно обыгрываемая при помощи метафоры «колесницы истории», которая, как казалось Останкину, «бешеным вихрем» пронеслась мимо него. Заняв свое место в колеснице, он постоянно боится быть уличенным в «безбилетном проезде» и в своем воображении комично утрирует «тяжесть» своего социального происхождения. «Да и потом — против кого борьба-то?... — рассуждает герой. — Против буржуазии, всяких генералов, чиновников... А на его совести как раз есть один чиновник — собственный отец. Положим, этот чиновник сам сын дьякона. А все-таки чиновник, почти генерал...» [Романов, с. 35].

Автором удачного метафорического определения, закрепившегося в советском лексиконе, несмотря на опальность его автора, стал Лев Троцкий [Троцкий]. Кто такой попутчик? Это писатель непролетарского происхождения, которому *по пути* с советским обществом, но до какого момента —

² См., напр.: [Фицпатрик; Хархордин].

не уточняется, и каким образом будет происходить его «высадка» — также неизвестно. Для героя рассказа пугающая перспектива этой «высадки» появляется уже на первых страницах рассказа — когда его приятель обращается к нему с тем самым жутким вопросом: «Читали?» — от которого Останкин «наперед» почувствовал испуг [Романов, с. 22]. С известной долей условности можно предположить, что вопрос этот относился к Постановлению Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», которое было опубликовано в «Правде» 1 июля 1925 г. и среди прочего содержало в себе такие положения: «...как не прекращается у нас классовая борьба вообще, так точно она не прекращается и на литературном фронте. В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства...» [Власть и художественная интеллигенция, с. 54]. Именно с этой газетной публикации начинаются злоключения Останкина: в редакции от него начинают требовать «творческого лица».

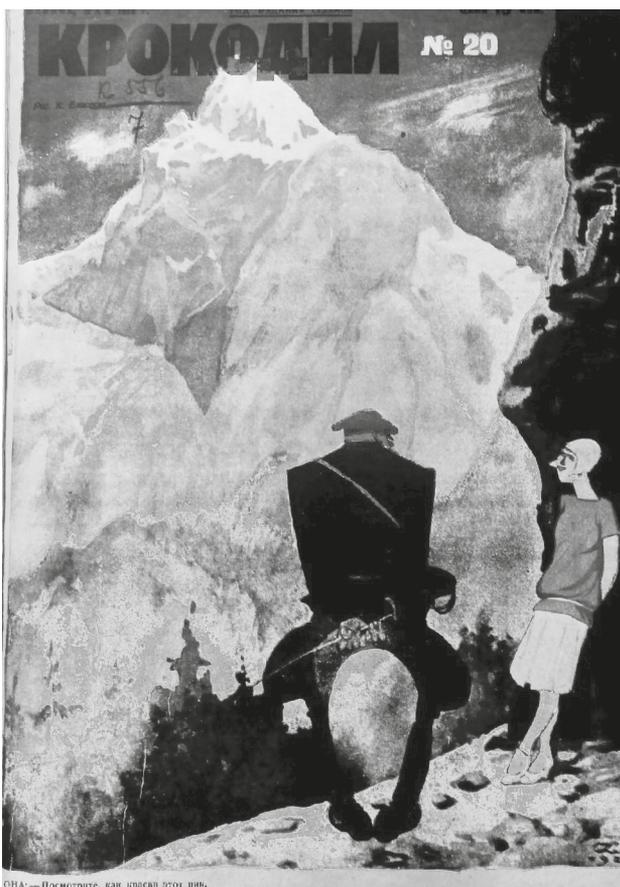
Проблема «попутчиков» окажется одним из важнейших вопросов для периода реконструкции, начало которого было обозначено XV съездом ВКП(б) в декабре 1927 г. — т. е. всего через несколько месяцев после выхода рассказа Романова в печать. После XVI съезда ВКП(б), тремя годами позднее, оценка «творческого лица» уже станет основанием для «чистки» рядов художественной интеллигенции. Так, в докладе секретаря Союза революционных драматургов Михаила Шимкевича на заседании СРД 14 декабря 1930 г. говорилось: «Чистка СРД, проведенная в первой половине этого года, носила формальный, бюрократический характер и почти не базировалась на *оценке творческого лица* (здесь и далее курсив мой. — Т. К.) членов СРД (...) Поэтому в рядах руководства СРД на сей день мы еще видим не только *попутчиков*, но и некоторую долю *мещанских элементов*»³.

Борьба с псевдореволюционностью и «красной халтурой» в советской драматургии получила свое отражение и в прозе. Таким образом, Романов, комичным образом обыгрывая «пугливость» своего героя-попутчика, у которого горят щеки и уши от безобидного в двадцать седьмом году вопроса «Где ваше лицо?» [Романов, с. 31], предвосхищает ситуацию, сложившуюся тремя годами позднее, когда от ответа на этот вопрос стала зависеть судьба человека. Иными словами, герой, чье поведение в 1927 г. вызывало улыбку, не показался бы смешным в 1930-м. Может быть, поэтому рассказ уже не переиздавали, а сам Романов подвергся критике за то, что возводит клевету на советскую молодежь, а его произведения «не трактуют, а пошло смакуют» проблемы нового быта [Ингулов, с. 80].

³ РГАЛИ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 9.

Поднимая вопросы, актуальные для художественной интеллигенции и общества в целом, Романов был, конечно, не одинок. Проблема беспартийности, вынесенная в заголовок рассказа, постоянно обыгрывалась в период реконструкции на страницах журнала «Крокодил». Карикатура, помещенная на обложке его номера за май 1928 г. (см. ил.), вполне соотносится с отчасти маниакальными переживаниями героя о его социально-политическом статусе:

Что же, спрашивается, разве уж и швейцар видит, что он не партийный?.. Во всяком случае, он ясно почувствовал, что он — какое-то *иностранное тело*. Еще недоставало, чтобы швейцар сказал ему: У вас нет лица, а вы лезете!.. [Романов, с. 80—81].

ОНА: — Посмотрите, как красив этот пик.

Крокодил. 1928. № 20. Рис. В. Елисеева.

Она: — Посмотрите, как красив этот пик!

Он: — Что ж такого, что красив. Зато — беспартийный.

Можно найти в «Праве на жизнь» и другие характерные для своего времени дискурсивные детали — например, негативное (или, если смотреть глазами главного героя, пренебрежительное) отношение к тем, кто занимает по общественно-политическим вопросам более правые позиции:

...у Останкина было к нему (Ивану Гвоздеву. — *Т. К.*) какое-то неуловимое презрение, как к писателю, печатавшемуся в более правых журналах. И хотя все журналы были советские и издавались тем же правительством, все же какие-то неуловимые оттенки правизны и левизны были. Они угадывались верхним чутьем. (...) И было это презрение к тем, кому приходилось печататься в правых журналах, какое бывает у человека устроившегося к неустраившемуся [Романов, с. 21].

Официально провозглашенная борьба с «правым уклоном» начнется после ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г., но Романов, как можно увидеть из этого отрывка, вновь предвосхищает скользкий вопрос реконструктивного периода о методах восстановления советского хозяйства после Гражданской войны. Правые как «мелкобуржуазные реставраторы капитализма», выступавшие против коллективизации и форсированной индустриализации, будут разгромлены на XVI съезде, но уже тремя годами ранее Леонид Останкин, «верхним чутьем» угадывавший неуловимые оттенки левизны и правизны, испытывал к своему приятелю, сотрудничавшему с более правыми журналами, некоторое презрение — как человек «устроившийся» к «неустраившемуся».

Наконец, процитированные выше напряженные внутренние монологи Останкина, пытающегося найти за собой вину, могут послужить хорошей иллюстрацией к ритуалу «герменевтики себя», который Игал Халфин рассматривает в качестве определяющего исповедальный характер политических процессов 30-х гг.: «Герменевтика подразумевала, что есть что-то скрытое в нас самих и что мы всегда пребываем в заблуждении относительно себя. (...) Они (большевики. — *Т. К.*) призывали к дешифровке самого себя» [Халфин, с. 17]. Такая «дешифровка» — как и исповедь — могла проходить как наедине с собой (а значит, наедине с Богом), так и с духовным наставником: «Пойди, пойдя, тебя поисповедуют» [Романов, с. 30], — говорит Останкину его товарищ из редакции, когда главный редактор вызывает писателя на беседу об отсутствии «творческого лица».

Интерпретация рассказа в период реконструкции не оставалась неизменной. Так, в предисловии Семена Вольфсона, с которым впервые было опубликовано «Право на жизнь», проблематика сводится к психическому заболеванию героя: «Автор смог показать (...) что все страхи Останкина не имели абсолютно никакой почвы в окружающей его советской действи-

тельности. Его повергает в безотчетный страх статья в какой-то газете, что бы он имел „лицо“, — элементарнейшее требование, которое может напугать только психопата...» [Романов, с. 6]. Однако всего три года спустя такая «почва» появилась. В цитируемом выше докладе Шимкевича на заседании СРД есть отрывок, вполне соотносимый с биографическим кейсом Леонида Останкина, будь он настоящим писателем, а не героем рассказа: «...только те, кому с нами не по пути, кто далек от социалистической стройки и смотрит на организацию с точки зрения получения немедленных и шкурных выгод (...) откажутся от выполнения этих задач и, конечно, должны будут покинуть наши ряды. Мы сами должны удалить эти *чуждые нам элементы* из нашей организации...»⁴ Именно таким элементом, ради получения выгоды искажившим свое прошлое и «примазавшимся» к революции, воображаемый читатель рассказа в 1930 г. мог бы назвать писателя Останкина.

«Если поверить герою рассказа, — продолжает Вольфсон, — то единственными двигателями для нашей интеллигенции в ее советской работе являются: с одной стороны, страх перед господствующим пролетариатом и его партией (перед «сидящими на колеснице»), а с другой, нужда в хлебе насущном...» [Романов, с. 9–10]. Эти выводы критика наводят на мысль о следующей литературно-исторической параллели. На сцене МХАТа 24 декабря 1931 г. состоялась премьера пьесы Александра Афиногенова «Страх», где профессор Бородин — герой также «чуждого социального происхождения» — произнес такие слова: «Мы живем в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отречься от матерей, подделывать социальное происхождение, пролезать на высокие посты... Да, да... На высоком месте не так страшна опасность разоблачения» [Афиногенов, с. 67]. В этот момент, по воспоминаниям современников, в зале зазвучали аплодисменты [Венявкин] — и это было явной коммуникативной неудачей постановки, потому что ее идея заключалась в доказательстве неправоты профессора.

Интерпретация рассказа Вольфсоном также предлагает читателю убедиться в том, насколько смешон Леонид Останкин, для которого проблема беспартийности «сводится к нелепым усилиям сохранить „право на жизнь“, какое, будто бы, нужно иметь в „суровую эпоху“» [Романов, с. 5]. Однако спустя всего несколько лет эта интерпретация также будет вынуждена потерпеть коммуникативную неудачу.

Спустя всего два года после выхода книги ее критическое прочтение, исходящее от наделенных властью литературных институций, принципиально

⁴ РГАЛИ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 13–14.

изменилось. В статье Сергея Ингулова «Бобчинский на Парнасе» предлагается такое толкование финала «Права на жизнь»: «Победоносно закончив революцию против черемухи (речь идет о нашумевшем рассказе Романова «Без черемухи». — Т. К.), Романов быстро перешел к проблеме „сословной розни“ в условиях советского строя, — к проблеме беспартийности. С этой проблемой он разделался так же легко и решительно, как и с черемухой. Беспартийному интеллигенту нечего делать в нашей жизни, и он поступит правильно, если не просто уйдет из нее, а бесстрашно напишет перед самоубийством „последнее слово“ — правду о лжи, о том, что „вы (писатели. — С. И.) лжете по разным направлениям“» [Ингулов, с. 77]. Таким образом, если в 1927 г. Семен Вольфсон писал, что Останкины «к счастью, вымирают на наших глазах, как зубры» [Романов, с. 15], то двумя годами позднее автор рассказа о беспартийном интеллигенте обвиняется в убийстве своего героя, которое показывает, что ему нет места в современном мире. Признать за рассказом приметы своего времени Ингулов не мог — значит, Романов «оклеветал» советскую действительность.

И в статье Вольфсона, и в статье Ингулова речь идет преимущественно об отношении текста к окружающей их реальности, определяемом в конечном итоге бинарной оппозицией ее «правдивого отражения / искажения». Как представляется, более интересным оказывается вопрос о трансформации «социального смысла» произведения, произошедшей буквально на глазах у читателей вследствие изменившихся социально-политических условий. То, что в 1927 г. могло иметь хотя бы отчасти юмористическую окраску, спустя всего несколько лет утрачивает ее и становится обыденным, более «реалистичным», нежели «комичным». Вполне вероятно, что Пантелеймон Романов — как и герой «Права на жизнь», беспартийный писатель «чуждого социального происхождения», — мог рассчитывать на то, чтобы произвести своим рассказом некое «социальное высказывание», вызвав дискуссию, отличную от однозначной интерпретации Вольфсона. Однако какой на самом деле была интенция автора, с каким намерением публиковал он свой рассказ — это вопрос, остающийся открытым.

Литература

- Асмолова, Терехова — *Асмолова Е. В., Терехова С. С.* Малая проза П. С. Романова: Учеб. пособие. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2020. 112 с.
- Афиногенов — *Афиногенов А.* Страх. Л.: ГИХЛ, 1931. 88 с.
- Венякин — *Венякин И.* Советский писатель внутри Большого террора. URL: <https://arzamas.academy/mag/352-terror3> (дата обращения: 12.11.2023).

- Власть и художественная интеллигенция — Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике: 1917–1953 гг. М.: МФД, 1999. 872 с.
- Голубков — Голубков С. А. О поэтике комического в малой прозе Пантелеймона Романова // Наука и культура России. 2016. Т. 1. С. 146–147.
- Ингулов — Ингулов С. Бобчинский на Парнасе // Молодая гвардия. 1929. № 11. С. 71–80.
- Обухова — Обухова И. А. «Смеховое слово» в деревенских рассказах П. С. Романова (на материале сборника «Три кита») // Сибирский научный вестник. 2011. № 3 (5). С. 221–226.
- Романов — Романов П. Право на жизнь или проблема беспартийности. М.: Молодая гвардия, 1927. 164 с.
- Троцкий — Троцкий Л. Литература и революция. М.: Красная новь, 1923. 392 с.
- Фицпатрик — Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 375 с.
- Халфин — Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 848 с.
- Хархордин — Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 508 с.

References

- Afinogenov, A. (1931). *Strakh*. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 88 p.
- Asmolova, E. V., Terekhova, E. V. (2020). *Malaya prosa P. S. Romanova. Uchebnoe posobie*. Kaluga: Kaluzhskii gosudarstvennyi universitet imeni K. E. Tsiolkovskogo, 112 p.
- Fitzpatrick, S. (2011.). *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; Fond «Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina», 375 p.
- Golubkov, S. A. (2016). 'O poetike komicheskogo v maloi prose Panteleimona Romanova', *Nauka i kul'tura Rossii*, 1, 146–147.
- Ingulov, S. (1929). 'Bobchinskii na Parnase', *Molodaya gvardiya*, 11, 71–80.
- Khalfin, I. (2023). *Avtobiografiya bol'shevizma: mezhd u spaseniem i padeniem*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 848 p.
- Kharkhordin, O. (2016). *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiiskoi lichnosti*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 508 p.
- Obukhova, I. A. (2011). '«Smekhovoe slovo» v derevenskikh rasskazakh P. S. Romanova (na materiale sbornika «Tri kita»)', *Sibirskii nauchnyi vestnik*, 3 (5), 221–226.
- Romanov, P. (1927). *Pravo na zhishn' ili problema bespartiinosti*. Moscow: Molodaya gvardiya, 164 p.
- Trotskii, L. (1923). *Literatura i revolutsia*. Moscow: Krasnaya nov', 392 p.
- Venyavkin, I. (2016). *Sovetskii pisatel' vnutri Bol'shogo terrora*, accessed September 23, 2023, <https://arzamas.academy/mag/352-terror3>.
- Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsia. Dokumenty TSK RKP(b)—VKP(b), VCHK—OGPU—NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 gody* (1999). Moscow: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 872 p.